

Морг встретил их слепящим, мертво-белым светом, от которого нержавеющая сталь столов и холодные приборы отливали пугающим, леденящим блеском. Бестеневые лампы сфокусировались на центре помещения, на ледяном секционном столе.

Тело Ли Гоэр уже перенесли сюда. Она лежала неподвижно, укрытая белой простыней, из-под которой виднелось лишь бледное, искаженное лицо, застывшее в гримасе невыразимого ужаса, да чудовищная рана на шее — глубокая, достигающая до позвонков, с вывернутыми краями плоти, едва не отсекающая голову от туловища.

Фан Шуюй, переступив порог морга, невольно замер на полсекунды. Даже через маску и защитную экипировку этот визуальный шок ударил по нервам, словно невидимый молот. Он заставил себя отвести взгляд, стараясь не смотреть на лицо жертвы, но боковым зрением все равно то и дело цеплялся за жуткий разрез.

Чжун Шу глубоко вздохнул, шагнул вперед и осторожно откинул простыню. Истерзанное тело Ли Гоэр предстало перед ними в полной мере под безжалостным светом ламп. Ссадины и синяки на коже при ближайшем рассмотрении казались еще более многочисленными и плотными.

Брови Фан Шуюя сошлись на переносице, а в желудке неприятно заворочалось. Он заставил себя сосредоточиться на действиях Лу Пиньчжоу.

Лу Пиньчжоу уже вошел в состояние абсолютной рабочей концентрации. Стоя у стола, он смотрел на тело острым, как у ястреба, взглядом, излучая ледяную собранность. Без единого лишнего движения он принял инструмент из рук Чжун Шу, словно дирижер, управляющий сложным оркестром.

Сначала он тонкой линейкой с предельной точностью измерил длину, глубину и угол наклона шейной раны. Затем сменил ее на прецизионную лупу, почти прижавшись глазами к разрезу, чтобы детально изучить состояние тканей по краям, форму разрывов мышц и сосудов, не упуская ни единой мельчайшей детали. При этом он четко диктовал свои находки:

— Длина раны — 14,8 сантиметра. Точка начала разреза находится примерно в 1,5 сантиметрах над левой наружной сонной артерией, окончание — у нижнего края правой грудино-ключично-сосцевидной мышцы. Края раны предельно острые, ровные, без заворотов, следов пробных надрезов или «рваных» движений ножа нет.

Он взял длинный зонд и осторожно погрузил его в глубину раны:

— Глубина достигает передней поверхности шейного отдела позвоночника. Левая общая сонная артерия и яремная вена полностью пересечены. Гортань, пищевод и трахея рассечены более чем на две трети. — Он сделал паузу, голос его прозвучал холодно. — Почерк убийцы крайне профессионален, он досконально знает анатомию шеи. Угол входа лезвия филигранен, сила рассчитана идеально. Смерть наступила мгновенно, все сделано чисто и быстро. Жертва могла скончаться в считанные секунды от потери крови, удушья и нервного шока... Мучения

были краткими, но она осознавала происходящее.

Фан Шуюй слушал эти холодные, объективные описания, чувствуя, как сердце сжимается невидимой рукой. Мгновенная смерть... а как же боль от отрезанного языка?

Лу Пиньчжоу, словно прочитав его мысли, перевел взгляд на приоткрытый рот Ли Гоэр, лишенный языка. Он взял пинцет потоньше и осторожно раздвинул губы, обнажая зияющую черноту рта и ровный, еще розовеющий срез корня языка.

— Слизистая оболочка полости рта имеет признаки сильного кровоизлияния и разрывов, особенно на внутренней стороне нижней челюсти и деснах... это соответствует травмам, полученным при насильственном удержании челюсти или попытках сопротивления. — Его голос оставался спокойным, хотя слова звучали как описание пытки. — Место отсутствия языка — разрез находится у корня, за подъязычной костью. Срез крайне гладкий и ровный, следов неаккуратного движения ножа также нет. Реакция тканей по краям раны слабая... это указывает на то, что язык был удален при жизни, быстро, одним точным движением.

Он отложил пинцет и поднял глаза на Чжун Шу:

— Когда жертве отрезали язык, она была в полном сознании. Возможно, даже... видела весь процесс. Убийца очень профессионален.

По спине Фан Шуюя пробежал холодок. Он невольно отвернулся, судорожно сглотнув. Даже повидав немало зверств, он с трудом принимал тот факт, что жестокость может быть названа профессионализмом.

Затем Лу Пиньчжоу жестом попросил Чжун Шу помочь с переходом к следующему этапу. Скальпель рассек кожу, мышцы, фасции... брюшная полость была вскрыта.

В тот же миг в воздухе разлился невыразимый смрад, смесь запаха крови и странного, кислого гниения.

Лу Пиньчжоу работал с профессиональной тщательностью, проверяя положение и состояние каждого органа. Но когда он вскрыл желудок, его рука замерла. Он наклонился ближе, почти касаясь разрезанной стенки желудка.

— Капитан Фан! Посмотрите! — Чжун Шу тоже подался вперед, его голос дрожал от изумления.

Под светом ламп в содержимом желудка, помимо непереваренных остатков пищи, отчетливо виднелись десятки... тонких, полупрозрачных или бледно-желтых существ, напоминающих личинок членистоногих, которые крайне медленно шевелились в желудочном соке.

Большинство из них уже застыли, словно убитые кислотой. Но некоторые, обладавшие невероятной живучестью, продолжали едва заметно извиваться, а их полупрозрачные тельца поблескивали в свете ламп! Самым жутким было то, что на поверхности некоторых особей виднелась тонкая, отслаивающаяся белесая кожица — они линяли!

Глаза Фан Шуюя округлились. Он невольно шагнул вперед, чтобы рассмотреть это получше.

— ...Уа! — Его желудок, который он сдерживал до последнего, взбунтовался. Он резко прикрыл рот рукой, насильно проглатывая подступившую желчь, а на лбу мгновенно выступил холодный пот.

Лу Пиньчжоу немедленно жестом приказал Чжун Шу закрыть контейнер, скрыв это омерзительное зрелище.

— ...Это... — Фан Шуюй, борясь с тошнотой, побледнел. Его голос дрожал, слова вырвались сами собой: — Чи... Чи Сяньчуань говорил... правду? Жертва? «Обработанная» жертва? Эти насекомые... они линяют...

Голос был тихим, но Лу Пиньчжоу и Чжун Шу в тишине комнаты уловили каждое слово.

Лу Пиньчжоу резко поднял голову, его острый взгляд пронзил потерявшего самообладание Фан Шуюя:

— Капитан Фан? — В его тоне слышалось удивление и едва уловимое подозрение.

Фан Шуюй больше не мог держаться. Он махнул рукой и, словно спасаясь бегством, шатаясь, бросился к выходу. Дверь захлопнулась, оставив Лу Пиньчжоу и Чжун Шу в недоумении.

Лу Пиньчжоу посмотрел на закрывшуюся дверь, его брови едва заметно сошлись. Но он не стал тратить время на расспросы, а снова погрузился в работу, сосредоточившись на этом пугающем, но крайне важном открытии.

— Взять образцы! — скомандовал он Чжун Шу. — Извлечь содержимое желудка послойно! Особенно тех, что еще шевелятся! Соблюдать стерильность! Подготовить фиксатор и питательную среду! Мне нужно знать, что это за вид! Как они оказались внутри жертвы? Случайное проглатывание или... нечто гораздо более страшное, преднамеренное кормление?

В морге Лу Пиньчжоу продолжал тщательное вскрытие. Он проверил дыхательные пути, пищевод и другие внутренние органы — помимо жутких находок в желудке, других аномалий или летальных повреждений не было. Ссадины и синяки на теле были признаны следами борьбы и волочения при жизни.

На протяжении всего процесса его движения оставались точными, взгляд — сосредоточенным

и холодным, словно извивающиеся в желудке черви были лишь редким медицинским образцом. И только когда он изредка замирал, глядя на этих тварей, в глубине его темных глаз проскальзывало едва уловимое смутение, которое он сам в себе не замечал: действительно ли это можно объяснить существующими научными знаниями?

Десять минут спустя.

Холодная вода с шумом лилась в стальную раковину. Фан Шуюй, опираясь на края умывальника, полоскал лицо и рот ледяной водой. Ощущение тошноты немного отступило, но кислота в желудке все еще давала о себе знать.

Он поднял голову и посмотрел в зеркало на свое бледное, измученное лицо с прилипшими ко лбу влажными прядями волос.

— Черт... до чего же жестоко... — пробормотал он.

Методы убийцы были за гранью понимания! Отрезать язык в сознании, а затем убить одним ударом! И это еще не все... эти насекомые в желудке... их запихнули туда живьем? Или это... те самые носители «очищения души» и «кровавых жертвоприношений», о которых говорил Чи Сяньчуань?

Когда он стоял, погруженный в свои мысли, сзади слышались размеренные шаги.

Лу Пиньчжоу подошел к нему, уже сменив защитную одежду на чистую серую рубашку. Без лишних слов он протянул руку и закрыл кран. Шум воды стих, в коридоре воцарилась тишина.

— Не стоит растрачивать общественные ресурсы впустую, — голос Лу Пиньчжоу оставался ровным. Он протянул Фан Шуюю стопку стерильных салфеток. — Стало лучше?

Фан Шуюй принял салфетки, небрежно вытер лицо и руки, тяжело выдохнул и кивнул:

— ...Пришел в себя. Извини, не сдержался.

— Человеческая реакция, — сухо заметил Лу Пиньчжоу. — Даже у самых подготовленных людей при виде подобных античеловеческих деяний физиологические реакции трудно контролировать. Это дело... действительно выходит за рамки привычного.

Его взгляд задержался на все еще бледном лице Фан Шуюя:

— Капитан Фан, в морге вы упомянули «жертву» и «Чи Сяньчуаня». Что это значит? И вы, кажется, узнали этих насекомых? Это какой-то местный вид? Для понимания контекста дела мне это важно.

Фан Шуюй посмотрел в серьезные глаза Лу Пиньчжоу, в которых читались только наука и логика, и понял, что отговориться не выйдет. Сбравшись с мыслями, он начал:

— Чи Сяньчуань — это настоятель храма Юэцзянь на горе Фэнлин. Когда мы приехали туда, он оказался свидетелем — прошлой ночью в лесу он видел, как убийца преследовал Ли Гоэр, и своим криком спугнул его.

— Даос? Свидетель? — взгляд Лу Пиньчжоу за стеклами очков стал острым, в нем промелькнула академическая строгость и даже легкое неодобрение. — Капитан Фан, как руководитель следствия, не слишком ли вы полагаетесь на показания людей, чьи слова пропитаны субъективностью и мистицизмом? Какова надежность слов даоса? Есть ли научное обоснование его «гаданий»?

Фан Шуюй прислонился к холодной кафельной стене и криво усмехнулся:

— Профессор Лу, я знаю, что вы ученый, опираетесь на доказательства. На вашем месте я бы отреагировал так же. Но... после случая с «Соловьем» — он помолчал, глядя в окно на ясное, но полное тайн небо, — я действительно начал верить, что в этом мире есть вещи, которые наука пока объяснить не может. Этот... Чи Сяньчуань, он не просто даос. Он проанализировал дату рождения жертвы, время смерти и место, и, учитывая этот жестокий способ убийства, пришел к выводу... это «кровавое жертвоприношение», а жертва — первый взнос в этом ритуале.

Он сделал акцент на слове «жертва», вспоминая насекомых из морга:

— Что касается тех тварей... я их не знаю. Но он сказал, что убийца «в теме», и, возможно, преследует какую-то цель... Теперь кажется, что эта цель связана с насекомыми? Иначе как они оказались в желудке у мертвеца?

Лу Пиньчжоу молча слушал, его лицо не выражало эмоций, но в глубине темных глаз промелькнула едва заметная рябь. В его стройную картину мира, построенную на научной логике, бросили камень, не вписывающийся в законы природы. Он не мог с этим согласиться, но после того, как воочию увидел линяющих насекомых в желудочном соке, слова «необъяснимо» вонзились в его сознание, как игла.

Он помолчал несколько секунд, а затем ответил, сохраняя ледяную объективность:

— Капитан Фан, я понимаю вашу позицию и когнитивные искажения, возникшие из-за специфики событий. Но я должен напомнить: следствие строится только на объективных фактах и строгой логике. Фэн-шуй, даты рождения, «нехорошие» часы — все это термины, лишённые верификации. Использовать их как основу для выводов — значит идти по ложному пути.

Он добавил, словно пытаясь развеять последние сомнения:

— К тому же, слова даоса, живущего на пожертвования... простите за прямоту, но их достоверность вызывает большие вопросы.

Фан Шуюй смотрел на него, не спеша спорить. Этот профессор был пугающе хладнокровен. Он понимал его скепсис. Потерев переносицу, чтобы прогнать усталость, он выпрямился и снова улыбнулся своей фирменной, слегка развязной улыбкой:

— Ладно, профессор Лу, ваши замечания справедливы, я запомню! Профессионалы должны заниматься своим делом! Факты и улики — превыше всего! — Он шагнул вперед и похлопал Лу Пиньчжоу по плечу с типичной для полицейского прямотой. — Раз уж мы познакомились — я Фан Шуюй, зовите меня просто по имени! «Профессор Лу» звучит как-то слишком официально. Вы же близкий друг Чу Чэньяня, значит, я просто обязан называть вас «брат Пиньчжоу»!

Такая фамильярность вызвала у Лу Пиньчжоу легкое замешательство, но воспитание не позволило ему отстраниться. Он лишь поправил очки:

— Хорошо. Тогда я буду звать тебя Шуюй.

Они вместе вышли из мрачного коридора судмедэкспертизы на залитую светом парковку. Фан Шуюй проводил Лу Пиньчжоу до его черного Land Rover Defender.

У машины Лу Пиньчжоу достал ключи и открыл дверь. Когда он уже собирался сесть, Фан Шуюй окликнул его:

— Пиньчжоу! — голос его стал серьезнее, без тени шутливости.

Лу Пиньчжоу остановился, придерживая дверь, и обернулся:

— Да?

Фан Шуюй смотрел на это безупречное, почти выточенное лицо, лишенное тепла, на эти холодные глаза за стеклами очков, и улыбнулся:

— Есть вещи, — он посмотрел на отражение города в окне машины, — которые случаются. Наука их не объясняет, физика не охватывает... но это не значит, что их нет. Возможно, они просто... работают по законам, которые мы пока не можем описать. — Он сделал паузу, глядя прямо в глаза Лу Пиньчжоу. — Если будет возможность, познакомлю тебя с Чи Сяньчуанем. Не ради того, чтобы выгораживать его, просто после встречи с ним... возможно, у тебя появятся новые идеи для «решения задачи». Чисто для расширения академического кругозора?

Пальцы Лу Пиньчжоу на двери сжались. Взгляд за стеклами очков на мгновение замер. В глубине его души, где царил покой, поднялся невидимый водоворот. Он хотел возразить, сказать, что это противоречит науке, что эмпиризм — основа основ.

Но в итоге все слова застряли в горле, превратившись в едва слышный вздох и легкое недоумение в глазах. Он ничего не ответил, лишь слегка кивнул, сел за руль и завел двигатель.

Черный внедорожник с низким рыком плавно выехал с территории управления.

Фан Шуюй стоял на месте, глядя вслед удаляющимся красным огням, пока они не скрылись из виду, и лишь тогда его лицо вновь стало сосредоточенным.

Тем временем на другом конце города, в элитной квартире с видом на реку, молодая девушка с милостивым лицом и изысканным макияжем говорила на камеру телефона, в ее голосе слышалось наигранное удивление и едва уловимая нотка обольщения:

— Ребята! Вы поверите? Вчера поздно ночью, когда я вела стрим из того старого особняка, я правда... чуть не столкнулась с «этим»! Это так жутко! Такое чувство, будто что-то ледяное было у меня прямо за спиной! Хорошо, что я быстро среагировала и убежала! Атмосфера была просто невыносимая...

Су Ваньэр, двадцать семь лет, популярный стример в жанре хоррор «Полуночный пульс — Ваньэр-цзян». Пока она красочно описывала свой «мистический опыт» в старинном доме, краем глаза она следила за зашифрованным чатом, всплывшим на экране компьютера.

Там не было слов, только три символа:

[Змея, паук, четки]

На камеру она продолжала изображать испуг, но под подбородком, скрытая от объектива, ее губы изогнулись в холодной, змеиной усмешке.

Ее тонкие пальцы быстро застучали по экрану, отправляя сообщение: «Ритуал прошел успешно. Материал номер один (Ли Гоэр, дата рождения 01.01.2000) подтвержден. Отбор второй цели продолжается, требования: Чистая Иньская энергия, год У-У, желательно женщина. Жду указаний».

Отправив сообщение, она постучала пальцами по столу, словно отсчитывая секунды до начала конца.

А в ленте комментариев ее стрима, где она старательно нагнетала атмосферу ужаса, в незаметном уголке промелькнуло сообщение со странными религиозными символами: «Иньский дух ведет путь, начинается превращение. Золотая цикада сбрасывает кожу, ищет новую душу. Поздравляю с успехом первого этапа жертвоприношения!»

ID отправителя: иконка с изображением изломанного золотого кокона цикады.

<http://bllate.org/book/18779/1822043>